

ЧАСТЬ I. ПАРАДИГМЫ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ (РАЗЛИЧНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ)

Гагинян Армине Ромиковна

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ИНФИНТИВА И ПЕРФЕКТНОГО ПРИЧАСТИЯ В СРЕДНЕАРМЯНСКОМ ЯЗЫКЕ В СВЕТЕ ДАННЫХ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ

Ключевые слова: *инфинитив, перфектное причастие, среднеармянский язык, грамматикализация.*

В средний период развития армянского языка безличные формы – инфинитив и перфектное причастие – претерпели определенные изменения. Происходит грамматикализация инфинитива и перфектного причастия, которая сопровождается сужением сфер их употребления. Перфектное причастие, претерпев звуковые изменения, постепенно переосмысливается в давнoproшедшее, ограничиваясь только в пределах этого значения. Постепенно вытесняются присущие древнеармянскому абсолютные конструкции с инфинитивом и перфектным причастием, заменяясь личными формами в придаточных предложениях. Инфинитив дает начало возникновению новой безличной формы – причастия отрицания. Происходит определенная грамматикализация инфинитива и перфектного причастия, которая сопровождается сужением сфер их употребления; если перфектное причастие проходит 4 этапа грамматикализации, то инфинитив только три.

Keywords: *infinitive, past participle, Middle Armenian, grammaticalization.*

In the Middle Armenian perfect participle and infinitive have undergone some changes. There is a definite grammaticalization of infinitive and perfect participle which is accompanied by narrowing of the scope of their use. The absolute constructions with perfect participle and infinitive were gradually replaced by personal forms in subordinate clauses. Infinitive gives rise to origin of a new impersonal form – participle of the negation.

1. Введение

В историческом развитии армянского языка среднеармянский период охватывает XII–XVI вв. Язык этого периода представляет собой новое междиалектное образование (на отличной от грабара разговорной основе) и по степени унификации и нормализации языковой структуры значительно уступает древнеармянскому литературному языку. Наиболее обработанным вариантом среднеармянского литературного языка является официальный язык Киликийского Армянского Государства, наряду с которым имеются также и другие варианты – с нечетким разграничением как в территориальном, так и структурном отношении. Тем не менее, они также письменно зафиксированы и сохранены в многочисленных литературных произведениях. Несмотря на различие диалектных основ, среднеармянский язык считается преемником древнеармянского и своеобразным промежуточным звеном между древнеармянским и новоармянским литературными языками, причем с среднеармянского периода начинается типологическая реорганизация языка с переходом от преимущественно флексивного типа к агглютинативно-аналитическому, характерному для современного состояния литературного языка и диалектов. В этом процессе значительные изменения претерпевает также глагольная система, в т.ч. неличные формы.

Из четырех неличных форм древнеармянского языка – инфинитива и трех причастий: перфекта, настоящего (субъектного) и будущего – основные формообразовательные изменения претерпели инфинитив и перфектное причастие, причем в среднеармянском сужается сфера их употребления.

Показатель инфинитива и перфектного причастия в древнеармянском, восходя к и.-е. адъективному суффиксу *-l и ностратическому *-lu (если принимать ностратическую теорию), имеет определенные соответствия и в других и.-е. языках. Будучи именного происхождения, эти формы проникают в глагольную систему, различно проявляясь в разных языках: из прежних причастных форм образуются новые, причастные и временные, формы. Согласно общетипологическим данным, причастие прошедшего времени обозначает признак, который

имеет или приобретает подлежащее, употребляясь с вспомогательными глаголами быть или становиться, т.е. подлежащее либо этот признак имеет (быть), либо обретает (становиться) вследствие действия [26, с. 220].

Что касается инфинитива, то хотя и в разных и.-е. языках он имеет разное происхождение, и для него не восстанавливается общий архетип, однако типологическое исследование языков дает определенные представления также и о его семантическом развитии.

Цель настоящей статьи – представить типологические изменения инфинитива и перфектного причастия в среднеармянском языке, установить и обосновать пути их развития на фоне общих тенденций развития армянского языка и в свете данных грамматикализации.

Согласно А. Вернеру грамматикализация – синхронический и диахронический процесс категоризации. Это касается как основных разделов языка, так и речи, т.е. доступных для парадигматических отношений единиц вне системы [23, с. 8–9]. Исторические языковые изменения подвергаются определенной классификации в соответствии с языковыми уровнями. Причем можно разделить внутриуровневые и межуровневые изменения. В последних особое место занимает грамматикализация, дефинирующаяся как постепенное образование стабильных грамматических конструкций из слабых дискурсивных и одновременно образование абстрактных грамматических единиц из конкретных лексических. По мнению немецкого языковеда М. Гаспельмата грамматикализация – явление, возникающее параллельно с речью, что является результатом общественного воздействия [11, с. 269].

Таким образом, предполагается связь между речевой реализацией и грамматикой, т.е. из речевых реализаций постепенно возникают грамматические конструкции, условием которых является частое употребление данного явления [10, с. 77].

Б. Гейне, М. Рей (Reh) и К. Леманн предполагают, что в случае диахронической грамматикализации языковые единицы теряют свою семантическую це-

лостность, прагматическую значимость, синтаксическую независимость и фонетическую оболочку или же эти свойства уступают свое место другим, не самостоятельным свойствам [23, с. 8–9].

Переход от свободной лексической единицы к грамматической единице осуществляется в определенный период времени, который часто может длиться сотни лет, проходя различные этапы.

Б. Гейне различает 4 этапа грамматикализации:

- десемантизацию (потерю семантического содержания или значения),
- расширение (употребление в новом контексте),
- декатегоризацию (потерю формально-синтаксических особенностей, потерю статуса независимого слова (слияние)),
- эрозию (разложение плана выражения).

Эти 4 этапа представляют внутриуровневую природу грамматикализации.

Первый и второй этапы осуществляются на семантическом и прагматическом уровнях. В случае десемантизации значение языковой единицы становится более абстрагированным, иначе говоря, происходит семантическое обобщение.

Как правильно замечают Д. Нюблинг и другие, зачастую трудно разграничить первые два этапа друг от друга, поскольку десемантизация проявляется лишь тогда, когда расширение уже реализовалось. Лексема или граммема употребляются в новом контексте, где ее употребление до этого исключалось. Однако новое абстрактное значение ограничивается, как правило, определенными контекстами [7, с. 222–224].

2. Типологические изменения перфектного причастия в среднеармянском языке по сравнению с древнеармянским

Известно, что перфектное причастие в основном восходит к аористной основе, которая, имея значение состояния и завершенности, придает перфектному причастию нейтральное залоговое значение [25, с. 276]. Этим и обуславливаются особенности употребления временных форм с участием перфектного причастия

в древнеармянском языке, связанные с противопоставлением переходности-неперходности глаголов, где падежи подлежащего берут на себя выражение противопоставления залога.

С переходными глаголами подлежащее употребляется в родительном падеже для выражения активного значения, а с неперходными глаголами – в именительном. Напр.:

<i>čaš</i>	<i>gorc-eal</i>	<i>Argawan-ay</i>	<i>i patiwr</i>	<i>Artašis-i</i>
	made-PTP	Argawan-	in honour	Artašes-
Dinner		(ay)GEN		(i)GEN

«Аргаван дал обед в честь Арташеса.» (переходный) [17, с. 100].

<i>Hatowac</i>	<i>gnac^c-eal</i>	<i>Vardges</i>	<i>manowk-n</i>
Migrant	gone-PTP	Vardges	youth-(n)DEF

«Молодой Вардгес переселился» (неперходный) [17, с. 240].

Причем с переходными глаголами для страдательного залога употребляется подлежащее в именительном падеже. Напр.:

ays amenayn paheal ēr
All this preserved- PTP was

«Все это сохранилось» [17, с. 201].

Таким образом, вырабатывается способ выражения залоговых значений переходности-неперходности, одновременно прежнее нейтральное видовременное значение причастия прошедшего времени переходит в перфектное.

Значение состояния развивается также благодаря тому, что перфектное причастие переходных глаголов может без формальных изменений выражать значение и действительного, и страдательного залога: *greal* «написавший, написанный», *kazmeal* «составивший, составленный». Глаголы нейтрального залога могут выражать только значение нейтрального залога, например, *haseal* «достигший», *ancceal* «прошедший» [1, с. 161].

Попытаемся проследить грамматикализацию перфектного причастия древнеармянского языка по четырем вышеотмеченным основным этапам.

Десемантизация происходит в результате потери семантической целостности, в частности перехода значения состояния в перфектное значение.

Так, в среднеармянском уже отсутствует вышеотмеченное залоговое противопоставление, следовательно и конструкция с подлежащим в родительном падеже [5, с. 271].

В древнейших свидетельствах перфектное причастие выступало без вспомогательного глагола-связки – как с переходными, так и непереходными глаголами, позднее связка начала встречаться с непереходными глаголами, а переходные в основном оставались без связки. Отсюда вытекает, что связка первоначально стала употребляться с непереходными глаголами, а затем перешла и на переходные. Однако в древнеармянском перфектное причастие еще не полностью подверглось грамматикализации в качестве временной формы, чем и объясняется отсутствие связки, а в среднеармянском оно постепенно переходит к аналитическим временным формам (вместе с вспомогательным глаголом).

Морфологическая структура перфектного причастия в древнеармянском представляет довольно пеструю картину. Как и все парадигматические формы глагола, оно может образоваться либо от презентной, либо от аористной основы, причем выбор основы обусловлен типом спряжения (тематическими гласными) и структурой глагольной лексемы – простой, либо с основобразующими суффиксами, при этом возможны различные комбинации, параллельные формы и отклонения от общих правил.

В частности, следует отметить, что, как правило, суффиксы презентной основы в аористных формах либо выпадают полностью, либо заменяются суффиксом аористной основы *-c^c-*. Полное выпадение суффиксов презентной основы происходит в глаголах спряжений на *-e-*, *-i-*, *-u-*: *anc^canem-anc^cea*l «проходить», *meřanim-meřeal* «умирать» *hecnul-heceal* «садиться верхом», а замена на *-c^c-* либо прибавление суффикса *-c^c-* к «чистой» основе – в глаголах спряжения на *-a-*: *gočanam-gočac^cea*l, «красть» *ačam-ačac^cea*l «молоть». Перфектное причастие простых (без презентных суффиксов) глаголов спряжений на *-e-* и *-i-* может быть образовано как от презентной, так и от аористной основы без семантического

различия: *grem-greal-grec^ceal* «писать», *bnakim-bnakeal-bnakec^ceal* «живь, обитать».

Считается, что суффиксы презентной основы, в особенности -ен и -ан, первоначально обладали значением длительности и незавершенности, оформляя презентную (несовершенную) основу. Это позволяет нам предполагать, что в армянском языке именно поэтому они отсутствуют в аористной основе, следовательно и в перфектном причастии.

Эта особенность не ограничивается армянским языком и имеет типологическую значимость, т.к. подобное явление наблюдается также и при перфектном причастии в немецком. Так, поскольку употребление префикса *ge-* с Partizip II первоначально было связано с перфектным значением, то в средневерхненемецком *ge-* отсутствует в формах Partizip II, с одной стороны, у тех глаголов, в лексическом значении которых уже имеется сема предельности, напр.: *brvht* «принесший», *kommen* «пришедший», *worden* «ставший», и с другой – у глаголов со значением длительности либо состояния, напр.: *verschlossen* «запертый», *erschlagen* «убитый» [24, с. 271].

Тенденции развития безличных глагольных форм в среднеармянском можно наблюдать в языке колофонов XIII в. (написанных в основном на позднедревнеармянском с частичной примесью среднеармянского), где наряду с регулярными древнеармянскими структурами встречаются также необычные формы: *areal* вм. *arareal*, и отклонения, которые в основном сводятся к замещению производящих основ: презентная вместо аористной: *tesaneal* вм. *teseal*, либо же наоборот, аористная вместо обычной презентной: *tcarg-manecceal* вм. *tcargmaneal* [14, с. 76].

О десемантизации свидетельствует также и то обстоятельство, что перфектное причастие, как составляющее причастной конструкции со значением предшествующего или параллельно совершенного действия личного глагола, заменяется с течением времени другими формами. С другой стороны, у него больше нет функции атрибута. Перфектное значение, которое уже имеет в себе сему времени, начало развиваться еще со среднеармянского периода.

Так, темпоральные значения конструкций с перфектными причастиями в вышеотмеченных колофонах XIII в. могли выражать значения разновидностей прошедшего времени, характерных для среднеармянского: давнопрошедшего (vayakatar), результативного прошедшего (harakatar), прошедшего несовершенного (ankatar): *yoržam ēi degerel* «когда я бродил», прошедшего совершенного без вспомогательного глагола (anc^ceal katareal): *žoyoveal ant^ciw bazmut^ciwns, gnac^ceal yašxarhn Hreastan, afel bazum k^cayak^cac^c ew xayaγut^ceamb darjeal yarewels* «Собрал бесчисленное множество, двинулся в страну Иудеев, разрушил много городов и вернулся с миром на восток», и даже будущего в прошедшем: *Ov inj Astowacašun^c mi ēr tweal gogjir geri ēr azateal* «Кто бы дал мне одну Библию, считай, освободил бы пленника» [14, с. 85].

С другой стороны, налицо также ограничение употребления и постепенное вытеснение древнеармянских конструкций типа *greal ē im, greloc^c em, greal linim* и переосмысление либо выдвижение других форм (появление результативного причастия на -ас, переосмысление перфектного причастия в давнопрошедшее) [14, с. 80].

В сущности, давнопрошедшее причастие в среднеармянском является переосмыслением перфектного причастия древнеармянского с соответствующими фонетическими изменениями окончания: -eal > -el/-er, которые выступают уже с XII в. [5, с. 308]. Напр.:

K ^c ar	em	ber-er	sar-er-oy-s
Stone	am	carried-PTP	mountain(-er-oy-s)PL.ABL.DEF

«Я принес камни с гор» [2, с. 254].

Что касается собственно среднеармянского языка, то применение перфектного (давнопрошедшего) причастия в атрибутивной или обстоятельственной функции постепенно угасает. С. Антосян приводит единичные примеры таких употреблений: *tařapel mard* «страждущий человек», однако это уже скорее прилагательное. Засвидетельствована также форма *tařpel* в субстантивированном значении «больной, пациент». Из более поздних примеров (XV–XVII вв.) у С. Антосяна находим стихотворные строки из Тлкуранци:

Yes	<i>em</i>	<i>ap^c</i>	<i>mi</i>	<i>hoy-ē,</i>	<i>downhreyen es,</i>	
<i>I</i>	<i>am</i>	<i>handful</i>		<i>one soil(-ē)-ABL.SG</i>	<i>you</i>	<i>fiery be-PRS-2.SG</i>
<i>K^cani</i>		<i>z-im</i>		<i>ayr-ec-^cel</i>	<i>sirt-s</i>	<i>ariwn-es.</i>
<i>How long</i>		<i>my- ACC.SG</i>		<i>burnt- PTP</i>	<i>hart(-s)-ACC.SG.PRS-1.</i>	<i>make bleed-PRS-2.SG</i>

«Я – из горсти земли, ты же – из огня,

Доколь мое сожженное сердце будешь кровавить» [21, с. 151].

Такое применение не сохраняется ни в современных литературных вариантах, ни в диалектах.

В среднеармянском и более определенно в современном армянском давно-прошедшее причастие выступает только в связанной форме в качестве аналитической глагольной основы в составе личных форм. В атрибутивной функции могут выступать только формы древнеармянского перфектного причастия, которые полностью перешли в разряд прилагательных, утратив бывшую связь с перфектным причастием: *Meýyal cov* «Мертвое море», *Sáuccyal ovkianos* «Ледовитый океан», *havelyal aržēk^c* «добавочная стоимость».

В XV–XVII вв. ограничиваются употребления перфектного причастия. Почти не встречаются аналитические временные формы с перфектным причастием и вспомогательным глаголом *linim*. Примечательно, что авторы, у которых встречаются указанные временные формы, напр. Ованес Тлкуранци, Григорис Ахтамарци, Мартирос Хримеци, в своих произведениях на древнеармянском языке глаголы действительного залога приводят в основном в страдательной форме. Уже в XV–XVII вв. древние способы выражения страдательности отмирают, и начинают употребляться формы с суффиксом страдательности *ow(u) > v*.

Семантико-функциональная многозначность перфектного причастия на *eal > el* в меньшей степени присуща новообразованному в среднеармянском языке результативному причастию с суффиксом *-ac*. В древнеармянском формы на *-ac* употреблялись в качестве существительных, прилагательных и наречий (ср.: *hatowac gnacceal*). Как видим, именное происхождение причастных форм в армянском языке также является фактом диахронической типологии. (Подробнее о результативном причастии см. ниже).

Расширение.

Как отмечалось выше, в армянском с течением времени исчезают конструкции с подлежащим в родительном падеже. Так, в среднеармянском уже отсутствуют оппозиция переходных и непереходных глаголов, а также конструкции с подлежащим в род.п. [5, с. 307], хотя в памятниках XIII в. они еще сохранились [14, с. 85].

Таким образом, уже в среднеармянском также при переходных глаголах расширение осуществляется с помощью связки *em* и распространения подлежащего в именительном падеже, что приводит к потере конструкции подлежащего в род.п.

Присущие древнеармянскому абсолютные причастные конструкции в среднеармянском заменяются придаточными предложениями с союзом (*v*)*or* [16, с. 372], не сохраняется также употребление перфектного причастия в качестве финитной временной формы [5, с. 307].

Это причастие сохранило свою основную функцию: образование аналитических временных форм с вспомогательными глаголами *em*, *linim*, *kam*. Примечательно, что в древнеармянском перфектное причастие, выступая вместе с связками *kam* и *linim*, в основном выражает страдательное значение:

<i>Mecapatiw</i>	<i>y-episkopos-ē-n</i>		<i>ew</i>	<i>y-ekeyec^cw-oy-n</i>	
honourably	(from)bishop(-ē-n)ABL.SG.DEF		and	(from)cherch(-oy-n)ABL.SG.DEF	
<i>mecar-eal</i>	<i>lin-ēr</i>				
honoured-PTP	<i>be</i> -PRS-3.SG				

«весьма был почен епископом и церковью» [18, с. 54].

<i>ənk-ec^c-eal</i>	<i>kayr</i>	<i>aysuhetew</i>	<i>oski</i>	<i>ew</i>	<i>oč^c ok^c</i>	<i>ařn-oyr.</i>
thrown-PTP	<i>be</i> -PRS-3.SG	thereafter	gold	and	nobody	take-PRS-3.SG

«Лежало брошенным с тех пор золото, и никто не брал» [8, с. 134].

Эти же конструкции сохранились также в среднеармянском. Кроме функции образования основных давнопрошедших времен с вспомогательным глаголом *em*, давнопрошедшее причастие образует также вторичные аналитические временные формы с вспомогательными глаголами *linim* и *kam* [5, с. 309]. С глаголом *linim* оно образует формы результативного прошедшего. Напр.:

<i>Ew</i>	<i>t^cē</i>	<i>ordi-k^c-n</i>	<i>meř-el</i>	<i>lin-in</i>	<i>t^cagawor-i-n...</i>
And	if	son(-k ^c -n)-PL.DEF	died- PTP	be-PRS-3.PL	king(-i-n)-GEN.SG.DEF

«А если сыновья царя окажутся умершими...» [22, с. 226].

В дальнейшем такие конструкции в значении результативного прошедшего строятся с помощью результативного же причастия на -ac (а не перфектного):

<i>Mēk</i>	<i>ēl</i>	<i>i nos^can-ē</i>	<i>ēr</i>	<i>meř-ac</i>	<i>w'</i>	<i>ank-ac</i>
One	else	(i-)they(-ē)- ABL.PL	was	died- PTR	and	fallen- PTR
		<i>i teyi-n.</i>				

(i-)place(-n)-ACC.SG.DEF

«И один из них был умершим и павшим на месте» [5, с. 312].

В среднеармянском наиболее часты глагольные употребления причастий на -ac в сопровождении вспомогательного глагола в аналитических временных формах, выражающих страдательность, где формы с этими причастиями имеют значение состояния, наступившего в результате совершенного действия. Это значение еще более подчеркивается, когда указанные конструкции встречаются в безличных односоставных предложениях:

<i>y-awrinak-n</i>	<i>yaync</i>	<i>ēr</i>	<i>gr-ac.</i>
(y-)original(-n)-LOC.SG.DEF	so		was written-PTR

«в подлиннике так было написано» [14, с. 86].

Имеются единичные примеры с непереходными глаголами:

<i>aylakerp-ac</i>	<i>ēr</i>	<i>ew</i>	<i>heř-ac-ēac</i>	<i>i</i>	<i>hin</i>	<i>hay</i>
changed-PTR	was	and	diverged-PTR	from	old	Armenian
<i>bar-ē-n</i>						

tongue(-ē-n)-ABL.SG.DEF

«Изменилось и отошло от древнеармянского языка» [5, с. 312]

и исключительные случаи с действительными:

<i>sowrb-k^c-n</i>	<i>amēn</i>	<i>hawat-n</i>	<i>ēn</i>	<i>gov-ac.</i>
Saint(-k ^c -n)-PL.DEF	all	faith(-n)-DEF	be-PRS-3.PL	praised-PTR

А. Айтынян отмечает у Смбата Спарапета случаи употребления результативного причастия с глаголом *ownim* «иметь» и справедливо проводит параллель

с соответствующими конструкциями западноевропейских языков [4, с. 97], однако Й. Карст считает эти формы чуждыми и неукоренившимися в армянском языке вследствие их немногочисленности [16, с. 341–345].

Формы с результативным причастием имели различное развитие в восточном и западном вариантах современного литературного армянского языка. В отличие от восточноармянского, где эти причастия образуют временные формы только из стативных глаголов и в сущности выражают настоящее время как некое состояние подлежащего (*kcnac ē*, «он спит», *nstac em* «я сижу») в западноармянском – это полноценная аналитическая основа для образования результативных времен также и для глаголов действия (*namakē eybayrs grac ē* «письмо написал мой брат»). Тем не менее, эти формы и в западноармянском могут выступать также как самостоятельные причастия с атрибутивным значением (*kardac^cac mard* «начитанный человек», *k^cnac uegaha* «спящий ребенок») и в предложении иметь функции прилагательного, а при substantivации – также и существительного.

В восточноармянском результативное причастие такую двоякую функцию сохранило лишь отчасти, выступая в атрибутивной и обстоятельственной роли в качестве независимого причастия, а в составе аналитических личных форм только с глаголами со значением пассивности либо состояния, т.е. можно сказать, в восточноармянском эти две функции результативного причастия имеют семантико-грамматическую обусловленность (лексическим значением глагола и его залогом).

Декатегоризация характеризуется развитием новой временной формы, образующейся либо с помощью причастия и связки, либо просто причастия.

По нашему мнению, ростки декатегоризации перфектного причастия существовали и в древнеармянском, в особенности при выступлении в роли сказуемого (см. выше), хотя в среднеармянском употребление перфектного причастия с личным значением уже исчезает [5, с. 307].

Если в древнеармянском оно пока полностью не грамматикализовалось как временная форма, чем и можно объяснить отсутствие связки, то в среднеармянском перфектное причастие постепенно преобразуется во временную форму.

Что касается эрозии, то она в армянском выражается путем звукоизменения *eal>el*. Здесь происходит морфонологический процесс, при котором предыдущий фонологический процесс преобразуется в морфологический, т.е. фонологическое изменение *eal>el* вследствие перехода дифтонга *ea* в простую гласную *e* обретает морфологическую значимость – возникновение новой аналитической причастной формы в среднеармянском – давнoproшедшего причастия [16, с. 372], совпадающего с формами инфинитива глаголов спряжения на *-e-*. Для сохранения оппозиции инфинитив зачастую часто образуется с помощью *-eal* [14, с. 77].

Однако это явление не находит распространения и не сохраняется.

Историческое звукоизменение *eal>el*, помимо формальной перестройки, послужило также переосмыслению перфектного причастия в давнoproшедшее в процессе реорганизации системы глагольного спряжения. Такие формы встречаются в поздних древнеармянских текстах (в тех же колофонах XIII в.) не только в отдельном употреблении, но также (и чаще) в составе аналитических временных форм. Это свидетельствует об их широком распространении в среднеармянской разговорной речи, следствием чего явилось их проникновение и в письменные источники даже на грабаре. В указанных источниках встречаются также любопытные случаи замены инфинитивного окончания *-el* на *-eal*, что можно считать либо своеобразной гиперкорректностью, либо стремлением избежать омонимии окончаний инфинитива и перфектного причастия. Однако, несмотря на значительное количество примеров инфинитива с окончанием *-eal*, эта конструкция не находит дальнейшего распространения, и как известно, грамматическая омонимия инфинитива и давнoproшедшего причастия в глаголах спряжения на *-e-* сохраняется по настоящее время.

Таким образом, можем констатировать, что перфектное причастие армянского прошло все 4 этапа грамматикализации.

3. Типологические изменения инфинитива в среднеармянском языке по сравнению с древнеармянским

Инфинитив также претерпел определенные изменения в среднеармянском.

Из фонетико-морфологических изменений можно отметить как вышеупомянутые формы инфинитива с показателем перфектного причастия на -eal, так и формы инфинитива, образованные от основы аориста: *xc^cel* [вм. *xnowl*] *zakanjsn* ... *oč^cowrek^c lowel* [вм. *lsel*] *zbann teárñ* «заткнуть уши ... чтобы не услышать слова господа» [14, с. 78]. Причем, если формальные изменения не нашли распространения, то нельзя то же самое сказать и о тенденциях функциональных изменений.

В древнеармянском инфинитив имел употребления с предлогом и без него. Инфинитив с предлогом служил выражению обстоятельств цели и времени:

<i>Patrast</i>	<i>emk^c</i>	<i>i</i>	<i>spanan-el</i>	<i>ew</i>	<i>i</i>	<i>meřan-el</i>
Ready	be-PRS-2.PL	(to)	kill-INF	and	(to)	die-INF

«Мы готовы убивать и умирать.» (Цель) [8, с. 73]

<i>I</i>	<i>bařnal</i>	<i>azgin</i>	<i>Aršakune-ac^c</i>
(at)	perish-INF	family-GEN. DEF	Aršakune(-ac ^c)-GEN.PL

«Когда семья Аршакуни погиб...» (время) [8, с. 21]

Можно полагать, что здесь имеется тенденция к переходу от пространственного значения ко временному, что обусловлено также и семантическим развитием предлога *i*. Первоначальным для предлога *i*, согласно Г. Джакяну, является местное значение или значение локатива, с которым связаны также значения направления и исхода (отделения). Причем от значения направления развивается способ выражения обстоятельства цели. Далее, от локативного значения развивается обозначение времени, в котором совершается действие [15, с. 133].

Во всех остальных случаях выступает инфинитив без предлога, причем в древнеармянском имеются примеры беспредложного инфинитива также для обозначения цели в самых ранних свидетельствах записи у Хоренаци устных мифических текстов дописьменного периода. Интересно отметить, что с глаголами

движения в ранних древнеармянских текстах в большинстве случаев имеем беспредложный инфинитив, а в более поздних, даже совпадающих по времени с среднеармянским периодом, могут встречаться конструкции с предлогами,ср.:

<i>Gnac^c</i>	<i>inkⁿ</i>	<i>Nerseh</i>	<i>ark^cay-n</i>	<i>pars-ic^c</i>
Move-PRS-3.SG	himself	Nerseh	king(-n)-GEN.SG	Persian(-ic ^c)-GEN.PL
– <i>gal</i> ,	<i>ar</i> nowl,	<i>ayrel</i>	<i>ew</i>	<i>awerel, korusanel...</i>
arrive-INF	take-INF	burn-INF	and	destroy-INF ravage-INF

«Двинулся сам царь персов Нерсех – прийти, взять, сжечь и разрушить, уничтожить...» (V в.) [6, с. 65].

...ew gn-ac^c i kardal...

and go-PRS-3.SG (to) read-INF...

«... и пошел читать...» (XII–XIII вв.) [3, с. 254]

В современном армянском языке такие конструкции заменены дательным падежом инфинитива:

I go(-um em)-PRS-1.SG sleep(-u)-INF.DAT

«Я иду спать».

Таким образом, беспредложный инфинитив в древнеармянском имеет большее распространение, чем его употребления с предлогами, которым в современном армянском соответствуют формы инфинитива в косвенных падежах, либо так наз. второе несовершенное причастие с окончаниями -(al)is, -(el)is. Последние формы, кстати, также восходят к локативу инфинитива и сочетаются, в частности, с глаголами чувственного восприятия: Yes k^cez tesnum em girk^c kardalis. «Я вижу тебя читающим книгу».

Если принимать гипотезу о том, что конструкции *Accusativus cum Infinitivo* также вытекают из локативного значения инфинитива, то можно утверждать, что здесь имеем дело с тождественным семантическим развитием.

Примечательно, что развитие инфинитива от значения цели также имеет типологическую значимость. Так, рассматривая в различных языках проявления инфинитива, М. Хаспельмат приходит к выводу, что в разных индоевропейских

и не индоевропейских языках инфинитив был отглагольным именем, выступавшим в дательном, винительном или местном падежах. По его мнению, эти падежи служили выражению направления и цели, из чего следует, что происхождение и грамматикализация инфинитива вытекает из значения цели, а последнее в свою очередь -из бенефактивного, аллативного и каузативного значений. С течением времени грамматикализованные элементы фиксируются, а затем подвергаются повторной фиксации в этой функции. Приведя пример немецкого языка, М. Хаспельмат отмечает, что первая фиксация произошла посредством маркирования предлогами *zi/zu*. Следующая фиксация – с помощью предлога *um*, получившего аналогичное развитие [9, с. 287–310]. Иными словами, когда данная форма утрачивает свое содержание, для его выражения возникает другая форма. Для армянского языка такой формой является склоняемый инфинитив.

Десемантизация инфинитива в армянском характеризуется частичной потерей значения направления, цели, времени, поскольку древнеармянская конструкция предлог *i*+инфинитив со значением обстоятельства цели в среднеармянском не сохраняется. Она заменяется придаточным предложением с подчинительными союзами. Последняя конструкция отчасти заменяет также зависящий от безличного глагола *piti* инфинитив: в конструкции *piti*+инфинитив (*piti afnul*) инфинитив замещается личным глаголом с союзом *or* или без него, напр.: *piti or afnu* «должно, чтобы (он) взял=(он) должен взять», *piti lini* «должно (он) бы был=(он) должен быть» [16, с. 372]. Последняя бессоюзная конструкция в сущности представляет собой полную грамматикализацию в качестве аналитической временной формы принудительного (*harkadrakan*) наклонения, где глагол *piti* фактически выступает в качестве модальной частицы – показателя принудительного наклонения. Эта форма в том же значении укоренилась в восточноармянском литературном языке, а в западноармянском она имеет значение будущего времени изъявительного наклонения: *piti afnē* «он возьмет».

Таким образом, десемантизация армянского и немецкого инфинитива осуществляется частичной потерей значения цели, в армянском также значения времени.

Расщирение в армянском языке выражается тем, что беспредложный инфинитив, начиная с древнеармянского, уже выражает значение цели не только с глаголами движения. А позднее находят распространение склоняемые формы инфинитива в род. и дат. падежах со значением цели и следствия, а также формы инструментального падежа. С другой стороны, в среднеармянском активизируются употребления инфинитива в косвенных падежах – родительном и инструментальном:

То есть, начинается постепенная грамматикализация инфинитива также в другой функции – функции герундива. Здесь мы видим обратный переход: от абстрактного к конкретному, но уже в другой грамматической форме.

Декатегоризация выражается потерей таких синтаксических конструкций, каковыми являются предложный инфинитив, инфинитив с винительным падежом, инфинитив с дательным падежом и др. С другой стороны, инфинитив часто употребляется в образовании будущей формы.

В целом в среднеармянском языке сфера употребления инфинитива сужается. По сравнению с древнеармянским здесь заметны следующие тенденции:

1. Древнеармянские конструкции безличный глагол (part ē «должно», *pitoy* ē «нужно» и др.) + инфинитив в среднеармянском в основном заменяются подлежащим придаточным предложением, за исключением двусоставных предложений с конструкцией безличный глагол+инфинитив+подлежащее в дательном падеже [22, с. 138, 193].

*Ew pateh ē, or y-ir hayreni erkr-ē-n zēd
And appropriate be-PRS-3.SG that shi-ABL.PRS-3.SG father's land-ABL.SG.DEF as
eybawr mi kēs bažin tan ir arž-eaw-k^c
brother-GEN.SG a (one) half share give-FUT.PRS-3.PL her-DAT.SG kost-INS.PL
ənd p̥roygn
with dowry-ACC.SG.DEF*

«И следует, чтобы из ее вотчины долю, равную по своей стоимости половине [доли] брата дали [ей] вместе с приданым».

*Bayc^c z-goy-n aržan ē or amēn erkrkal xratel
But thief-ACC.SG.DEF worthy be-PRS-3.SG that each sovereign punish
karē can-PRS-3.SG*

«Но нужно, чтобы каждый правитель мог наказывать вора».

Bayc^c part ē amenayn datawor-ac^c gitenal or...
But ought be-PRS-3.SG each judge-DAT.PL know-INF that...

«Но каждому судье следует знать, что...»

Эту последнюю конструкцию, возможно, следует считать продолжающимся влиянием древнеармянского языка.

1. Древнеармянские конструкции инфинитива с глаголами с оттенком модальности *owzem* «хотеть», *kamim* «желать», *t^coγowm* «пускать», *hramayem* «приказывать», *t^coyl tam* «разрешать» в среднеармянском преобразуются в придаточные дополнительные предложения [22, с. 209].

2. Древнеармянские конструкции инфинитива с глаголами говорения в среднеармянском преобразуются в придаточные дополнительные предложения с союзом *t^cē*:

Matajin asē, tē jmeřn lini kam odn c^cowrt
Matayi-(n)-DEF say-PRS-3.SG if winter be-PRS-3.SG or air-(n)-DEF cold

«Матаи говорит, если будет зима или воздух холодным...» [13, с. 244]

В сущности, в тех первоначально абсолютных конструкциях, где инфинитив и личный глагол имели разные подлежащие, инфинитив преобразуется в личный глагол. Это также имеет общетипологическую значимость, т.к. аналогичное развитие наблюдается также и в других языках, где имеется балканский инфинитив, личный инфинитив, либо же переход конструкций *accusativus cum infinitivo* в личные глагольные формы.

1. С другой стороны, постепенно выходят из употребления придаточные конструкции с инфинитивом, уступая место придаточным предложениям.

2. Параллельно с этим возникает новая причастная форма – причастие отрицания. Оно имеет 4 варианта образования,

а) отрицательный вспомогательный глагол+предлог *i*+инфинитив (с окончанием на *-l*): *čcē i tal* «не дает»;

б) отрицательный вспомогательный глагол+предлог *i* +инфинитив (с изменением окончания *-l* на *-r*): *čcēr i tar* «не давал»;

в) отрицательный вспомогательный глагол+инфinitiv (с окончанием на -l): *čci tal* «не дает»;

г) отрицательный вспомогательный глагол+инфinitiv (с изменением окончания -l на -r): *čci gnar* «не идет» [22, с. 349–350]:

Следует отметить, что в первый подпериод среднеармянского языка (XII–XIV вв.) это причастие выступает с предлогом *i*, а во второй подпериод – без предлога. Это подсказывает, что первоначальной была предложная конструкция.

Более того, эти отрицательные формы развились из соответствующих положительных форм с конструкцией предлог *i*+инфinitiv – т.е. локатива инфинитива, которая встречается в дрвнеармянском языке уже в VII в. Известны хрестоматийные примеры из «Истории Тарона» Иоана Мамиконяна: *yoynk^c en I gal* «греки идут», *ayrel ēk^c i tal* «даете жечь» [5, с. 316]. В среднеармянском также засвидетельствован ряд примеров, *i gal ē* «идет», *ē i asel* «говорит» и др. Такие формы сохранились также в некоторых диалектах с соответствующими фонетическими изменениями.

А. Гариян связывает это явление с армянским языковым мышлением, согласно которому настоящее время выражает значение нахождения в процессе действия, т.е., в сущности, значение локатива.

Дело в том, что уже в среднеармянском начинается определенная грамматикализация инфинитива, когда обретя абстрактное значение номинации действия, он выступает в разных аналитических временных формах либо придаточных конструкциях в качестве составного компонента, обозначающего общее значение действия. Здесь налицо грамматикализация инфинитива – переход от конкретного к абстрактному значению.

Таким образом, в среднеармянском более конкретные обстоятельственные значения инфинитива – времени, места, цели, постепенно начинают выражаться с помощью придаточных предложений.

Можно отметить также другую особенность употребления инфинитива, возникшую в среднеармянский период. Это аналитическая форма будущего времени с глаголом *kamim* «хочетъ» + инфинитив: *inčc kamim linel* «что со мной будет», *kamim heýjnul* «я задохнусь» [14, с. 78].

В этих примерах глагол *kamim* утратил свое лексическое значение и приобрел формальное значение показателя будущего времени в качестве вспомогательного глагола, а значение самого действия выражается инфинитивом. Однако эта конструкция не получила дальнейшего распространения и встречается только в некоторых текстах на среднеармянском языке.

Что касается эрозии, то настоящей эрозии в армянском не происходило, поскольку потерю предлога *i* нельзя считать эрозией в отличие от германских языков, где показатели инфинитива в дат.п. исчезают. Таким образом, инфинитив в отличие от перфектного причастия проходит лишь 3 этапа грамматикализации.

3. Заключение

Обобщая вышеизложенное, можем заключить, что в средний период развития армянского языка обе эти безличные формы – инфинитив и перфектное причастие претерпели определенные изменения, которые в основном сводятся к следующему:

– происходит определенная грамматикализация инфинитива и перфектного причастия, которая сопровождается сужением сфер их употребления; если перфектное причастие проходит 4 этапа грамматикализации, то инфинитив только три;

– перфектное причастие, претерпев звуковые изменения, постепенно переосмысливается в давнoproшедшее, ограничиваясь только в пределах этого значения и потеряв значение результативного. Постепенно развивается результативное причастие в противопоставлении к давнoproшедшему с определенной сферой употребления;

– постепенно вытесняются присущие древнеармянскому абсолютные конструкции с инфинитивом и перфектным причастием, заменяясь личными формами в придаточных предложениях;

– инфинитив дает начало возникновению новой безличной формы – причастия отрицания.

Список литературы

1. Abrahamyan A.A. (1964): *Grabari dzefnark*, Erevan.
2. Aghtamarci Gr. (1963): Erevan.
3. Aygekci Wardan (1987): *Arakkc*, Erevan.
4. Aytěnyan A. (1866) *Kcnnakan Kcerakanutcyun ašxarhabar kam ardi hayeren lezvi*, Vienna, B.
5. Antosyan S. M. (1972): *Bayə ew nra hamakargə. Aknarkner mijin grakan hayereni patmut cyan*, Erevan, h.A.
6. Buzand P. (1987): *Patmutcyun hayocc. Hayocc lezvi patmutcyan krestomatia*. *Grabar ew mijin hayeren*, Erevan.
7. Damaris Nuebling, Antje Dammel, Janet Duke, Renata Szczepaniak (2006) : *Historische Sprachwissenschaft des Deutschen, Eine Einfuehrung in die Prinzipien des Sprachwandels*, Tuebingen.
8. Eghiše (1957): *Vasn Vardanay ew Hayocc paterazmin*, Erevan.
9. Haspelmath M. (1989): «From purposive to infinitive – a universal path of grammaticalization.» *Folia Linguistica Historica* 10.1-2.
10. Haspelmath M. (1997): Kontrolle und Subjektausdruck bei Infinitiven und Konverben. In: Maas, Utz (ed.) *Infinitive*. (Publikationsreihe der Forschungsstelle fuer Artikulationsprozesse, 2.) Osnabrück.
11. Haspelmath M. (2002): Grammatikalisierung: von der Performanz zur Kompetenz ohne angeborene Grammatik. In: Kraemer, Sybille & Koenig, Ekkehard (eds.) *Gibt es eine Sprache hinter dem Sprechen?* (Suhrkamp Taschenbuch Wissenschaft,), Frankfurt am Main.
12. Hayocc lezvi patmakan k cerakanutcyun (HLPK), (1975), h. 2, Erevan.
13. Heraci M. (1987): *Jermancc mxitcarutcyun*. Hayocc lezvi patmutcyan krestomatia. *Grabar ew mijin hayeren*, Erevan.
14. Hovsepyan L. S. (1997): *ŽG dari hayeren dzefagreri hišatakaraneri lezun*, Erevan.

15. Jahukyan G. (2003): Šarabyusakan usumnasirutcyunner, Erewan.
16. Karst J.(2002): Kilikyan hayereni patmakan kcerakanutcyun, Erewan.
17. Koghbaci Ezn. (1914): Eγc ayandoc, Tiflis.
18. Koryun (1987): Varkc Mesrop Maštocci (hatvacner). Hayocc lezvi patmutcyan
19. kcrestomatia.Grabar ew mijin hayeren, Erewan.
20. Khorenaci M. (1981), Patmutcyun Hayocc, Erewan.
21. Tlkuranci Hovh. (1960): Tayer, Erewan.
22. Vardapetyan P. K. (1975): Šarabyusutcyun. Aknarkner mijin grakan hayereni patmutcyan, Erewan, h.A.
23. Werner Abr. (1992): Grammatikalisierung und Reanalyse: Einander ausschliessende oder ergaenzende Begriffe? Folia Linguistica Historica, XIII/1-2.
24. Жирмунский В.М. История немецкого языка. – М., 1956.
25. Савченко А.Н. Сравнительная грамматика индоевропейских языков. – М., 1974.
26. Серебренников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. – М., 1974.

Гагинян Армине Ромиковна – канд. филол. наук, доцент Ереванского государственного университета, Республика Армения, Ереван.
